

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

В.В. Бочаров

РУССКАЯ ПРАЗДНИЧНО-ПИТЕЙНАЯ КУЛЬТУРА И ВЛАСТЬ (АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)*

«Праздник» — это не институт отдыха или развлечений, а особая форма общественного бытия, возникшая на ранних стадиях социогенеза. Он противоположен «труду», другой фундаментальной форме общественной самоорганизации, что проявляется во многих культурах и религиях в запрете работать в праздничные дни. Праздник породил тип власти (лидеров праздника), легитимность которой связана с ее способностью к экстастическому поведению, во многом обусловленному употреблением опьяняющих веществ (ОВ). Он сыграл не менее важную роль в становлении социальности, нежели труд, за счет мобилизации прежде всего творческого (художественного) потенциала человеческого мышления. Русская культура вплоть до наших дней удерживает основные свойства празднично-питейного архетипа, с уникальными для нее смыслами, символами и значениями питейных практик.

***Ключевые слова:** праздник, труд, общество, культура, власть, празднично-питейная культура, питейные практики.*

Исследовательский вопрос и методология

Цель статьи — на материалах различных этнокультур реконструировать празднично-питейный архетип, воплощающий универсальные (общественные) свойства социокультурной материи, выявить характерный для него тип власти, роль экстастического поведения и опьяняющих веществ (ОВ) в легитимации лидеров праздника. Автор сделал попытку обнаружить в русской культуре паттерны поведения (смыслы, символы и значения), сохраняющиеся в процессе развития общества (динамического относительно культуры), вплоть до наших дней. Для этого были проанализированы питейные практики в разных социальных контекстах, на разных стадиях этого развития. Методология исследования основана на понимании социокультурного процесса, где культура с ее уникальностью обладает значительно меньшей скоростью исторической динамики, нежели общество, с его универсальными свойствами (Бочаров 2011).

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 14-18-02785).

Бочаров Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (victana2007@rambler.ru)

Bocharov Victor — Doctor of History, Professor, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University (victana2007@rambler.ru)

При сборе материала использовался антропологический подход, привлекалась мемуарная и художественная литература, фольклор, нарративы и т. д., включая собственные наблюдения и переживания, т. е. автоэтнографию.

Праздник как форма общественного бытия

Праздник — это особая сфера общественного бытия, возникающая вместе с социальной материей. В традиционном обществе он выступал в форме обрядов, ритуалов и церемоний, осуществлявшихся по различным поводам: социальной динамики акторов (обряды перехода), восстановления здоровья, хозяйственных (охота, сев, сбор урожая) и природных (смена времен года) циклов и т. п. Нередко праздники длились от окончания трудового сезона до начала следующего, а праздничные церемонии «беспрерывно следовали одна за другой... случалось, что за сутки исполнялись пять-шесть церемоний... Число праздничных дней у различных народов может... даже превысить число дней повседневной трудовой жизни» (см.: Абрамян 1983: 12–14). В целом, социумы, борющиеся, казалось бы, за выживание, «тратили основные усилия не на повышение материальной устойчивости, а на экстраутилитарную сферу...» (Байбурин 1991: 25–26).

Даже в XX вв. в культурах, сохранивших традиционный социальный субстрат, «под праздником понимались именно обряды календарно-хозяйственного и жизненного циклов, в том числе и те, что происходят в будни» (Бернштам 1985: 136). Праздник или ритуал связывался с неправильным поведением (Байбурин 1991: 17), с наступлением *хаоса*, нарушением различных табу — вербальных, пищевых, сексуальных и др., неукоснительно соблюдавшихся в будние дни; в это время *верхи* менялись местами с *низами*. Отличительной чертой праздника по сравнению с отдыхом или развлечениями является его торжественно-сакральный характер. Он всегда санкционирован «миром идеалов» (М. Бахтин), характеризуется «массовостью» и позитивным эмоциональным настроением, «радостью и буйным весельем» (Снегирев 1837: 5; Попов 1854: 19–41; Абрамян 1983: 42).

Праздник противостоит «труду» — другой форме общественной самоорганизации. Это проявляется во многих культурах и религиях в запретах работать в праздничные дни.

Сфера труда, видимо, изначально порождала социальный индивидуализм. Уже на начальных стадиях человеческий коллектив распадался на половозрастные группы, основанные на индивидуальной психофизиологической предрасположенности к тому или иному виду деятельности (Андреев 1982: 225). Производственно-хозяйственная деятельность объективно несла в себе потенциал, направленный против коллективности. Особенно, как полагают, этому способствовала охота, требовавшая от человека творческих решений, что пробуждало «осознание своего Я, отличия от других» (Там же: 227).

Производственная деятельность, вероятно, существенно трансформировала психологию индивида. Она сопровождалась психическими актами «не делания чего-либо» (Сорокин 1992: 32–139). Это пробуждало практический интеллект, целерациональное мышление, однако инициировало коррозионные процессы в коллективной психологии. Праздник же, отрицая всякие табу, связанные с торможением психофизиологических реакций, возвращал человека

к его психологическим истокам, к естественному выражению чувств, переживаний, настроений. Он, в отличие от *труда*, связан с иррациональностью, экзотическим состоянием.

О четком разграничении праздника и труда в жизнедеятельности традиционных обществ, их связи с разными типами мышления, писал М. Мосс в «Очерке о сезонных изменениях в эскимосских обществах» (1906): «Все мифы, которые зимой заполняют сознание эскимосов, летом кажутся забытыми. Жизнь словно бы подвергается обмирщению... вся ее обрядность сводится к минимуму. Зато в зимнем жилище эскимосы живут в состоянии постоянного религиозного возбуждения... Самое незначительное событие требует более или менее торжественного участия шаманов. Самый маловажный запрет отменяется только в ходе публичных торжеств... Постоянно проводятся эффектные публичные сеансы шаманских заклинаний... Словом, всю зимнюю жизнь можно представить себе как один долгий праздник» (цит. по: Жигульский 1985: 36–38). Идея коллективизма закреплялась символически в названии и структуре стойбища (общем Доме), в котором зимой отмечались праздники.

Праздник и опьяняющие вещества (ОВ)

Празднества в традиционном обществе всегда сопровождались употреблением ОВ. Миссионер в начале XX в. писал, что африканские зулусы по окончании трудового сезона: «С мая по август... питались почти одним пивом...» (Брайант 1953: 185). Первопроходцев поражало то, что самые «примитивные племена» владели искусством приготовления хмельных напитков. Преодолевая всевозможные трудности, они «открывали» свой способ приготовления ОВ. Например, бушмены-скотоводы, не имевшие сорго, из которого приготавливали алкоголь окружавшие их племена земледельцев, научились его делать из пчелиного меда. Этот факт не без удивления отмечал Брайант (Там же: 180). В общем, самые «отсталые» народы обеих Америк, Австралии, Океании, Африки и Сибири обнаруживали поразительную осведомленность относительно изготовления определенных видов ОВ, которые они курили, пили или нюхали.

ОВ везде имели сакральный статус, а состояние опьянения расценивалось как священное, в котором люди, как предполагалось, вступали в контакт с потусторонними сущностями (предками, духами, божествами и т. д.). Как отмечает В.Н. Топоров: «Во многих религиозно-мифологических и ритуальных традициях опьяняющий напиток — важный атрибут мифологических персонажей, средство достижения особого сакрально отмеченного состояния» (Топоров 1980: 256–258). В античных мифах ОВ делают богов бессмертными. У греков это нектар («преодолевающий смерть»), а бог вина и виноделия Дионис — сын Зевса. ОВ могли выступать в качестве ипостаси самого божества, например, галлюциногенный напиток *сома* считался одной из форм бога Сомы (Там же). В скандинавских сагах злые карлы, убившие странствующего певца Квасира, сделали из его крови *квас* — божественный напиток, вдохновляющий поэтов. Таким образом, мифические черты «вещих людей (Квасира и Браге) перешли потом на скандинавских скальдов, являвшихся на пирах...» (Прыжов 1992: 265). Средневековые алхимики окрестили полученный ими опьяняющий напиток спиртом, что означает «дыхание» или «жизнь» (лат. «*spiro*» — дышать, жить).

Если в мифологиях ОВ связывались с богами, то в традиционных культурах ими распоряжались лидеры праздника (шаманы, колдуны, знахари), руководившие праздничными действиями. Они обладали особой психикой, позволявшей относительно легко впасть в транс (экстаз). Эта «особая способность к экстастическому опыту» (Элиаде), наличие выдающихся «артистических дарований к танцам, музыке, ораторскому искусству, к сочинительству песен и гимнов» (История первобытного общества 1988: 387–401)*. Возвышение подобных персон объясняется Ю. Лотманом «органической необходимостью». Учитывая, что всегда «человечество выделяло для непрактической экстраутилитарной деятельности своих лучших представителей..., трудно предположить..., чтобы оно систематически отказывало себе в жизненно нужном ради факультативного» (цит. по: Байбурин 1991: 25–26).

Употребление ОВ облегчало вхождение в транс участникам празднеств, которые походили на «сеансы коллективного экстаза, бурной эмоциональной разрядки...» (Крашенинников 1949: 418). М. Элиаде описывает подобное действие у тунгусов: «Шаман начинает бить в бубен, петь и танцевать... Его помощники вместе со зрителями подхватывают рефрен песни. Шаман на минуту останавливается, выпивает стакан водки, выкуривает несколько трубок и возобновляет танец. Постепенно он... падает на землю без движения, в экстазе... Шаман поднимается и начинает говорить высоким голосом.... все приветствуют радостными криками его возвращение из мира умерших» (Элиаде 2000: 133). У чукчей: «он [шаман — В. Б.] обычно неистовыми криками и ударами по бубну доводит себя до иступления, которое является свидетельством того, что “дух” вошел в его тело... он... подпрыгивает, раскачивается... произносит невнятные звуки и неразборчивые слова, которые считаются голосом и языком “духов”... Эти упражнения производятся... там, где совершается праздник» (Богораз 1939: 106–107).

Состояние экстастического безумия способствовало, похоже, освобождению сознания от господства еще инстинктивных связей, порождало фантастические образы и идеологемы, из которых кроилась первичная картина мира: «Многие переживания (художественные и иные) возникают как телесные функции до того, как индивид путем рациональных мыслительных процессов поднимает их на уровень сознания» (Пасто 1972: 164–165). Важную роль здесь, судя по их повсеместному присутствию в сакральном статусе, играли ОВ в качестве биохимического стимулятора для мобилизации творческой энергии.

По мере зарождения государственной организации, олицетворявшей тенденции к регламентации и рационализации общественной жизни, лидеры труда становились все более востребованными. Деятельность же лидеров праздника продолжала ориентироваться на поддержание коллективной идентичности, но теперь в угоду первым. Уже в вождествах при военных предводителях существовали поэты, музыканты, прорицатели и т. п., которые своей деятельностью поддерживали авторитет власти.

* В. Богораз отмечал, что «большинство шаманов — нервные, легко возбуждающиеся люди, часто даже стоящие на границе сумасшествия» (Богораз 1939: 114).

Сакрализация алкоголя в русской культуре

О сакрализации ОВ в русской культуре свидетельствуют как фольклорные, так и этноисторические источники. Сосуд, из которого они обычно употреблялись — чара или чарка. «Чары» же в русском языке — волшебство, волхование, колдовство, знахарство. Чаровать — творить чары, волховать, кудесить (В.И. Даль)*.

В пословицах и поговорках алкоголь несет в себе жизнеутверждающее начало и противопоставляется смерти: «Смертный час неминуемый путь; чарочку винца обойти нельзя». В работах этнографа-фольклориста XIX столетия А.Н. Афанасьева показаны ассоциативные связи между алкоголем и дождем, всегда обожещаемым в земледельческих культурах. Дождь метафорически определяется как мед, пиво, вино. Чудодейственная сила вина проявляется в сказочных сюжетах, связанных с царицей, посаженной в винную бочку и пущенной в море. Там она рождает «чудо-богатыря», который «растет не по дням, а по часам». В заговоре на любовь заточенный в неволю добрый молодец несчастен потому, что «никто доброго молодца досыта не накормит, допьяна не напоит». И только упившись «медовой» влагой — божественным напитком, прогоняющим демонов, дарующим красоту, молодость, здоровье, он обретает свободу (Афанасьев 1983: 103, 120, 127, 132, 135, 139–143, 146).

Праздник в русской культуре отождествлялся со «счастливой жизнью», предполагавшей и обильное питье. В литературном памятнике XVII в. автор рисует страну мечты: «Да там же есть озеро не добре велико, исполненно вина двойнова. И кто хочет, — испивай, не бойся, хотя вдруг по две чашки. Да тут же близко пруд меду. И тут всяк, пришед, хотя ковшем или ставцом (глубокое деревянное блюдо), припадкою или горьстью, бог в помощь, напивайся. Да близко ж того целое болото пива. И ту всяк, пришед, пей да и на голову лей, коня своего мой да и сам купайся, и ништо не оговорит, ни слова молвит» (О роскошном житии 1969: 591–593).

О питии как богоугодном деле идет речь в «Повести о бражнике», направленной против церковной догмы: «Пьяницы Царства Божия не наследуют». «Бражник — человек в веселье, в пирах, со стаканом вина в руке проводящий время свое, душа которого по велению Бога была доставлена к вратам рая». Попытка святых не пустить бражника в рай проваливается, а Иоанн Богослов возвещает суд божий ангелам: «Отворите врата святого рая, ибо господь бог повелел бражнику быти с нами в раю отныне и до века и во веки. Аминь» (Аксаков 1981).

Материалы о народной жизни на рубеже XIX–XX вв. свидетельствуют о «духовности» пития. Интеллигент, борец за русскую трезвость, был поражен, увидев пьющих крестьян у винной лавки: «Человек снимает шапку, набожно крестится широким русским крестом и очень серьезно, почти строго начинает лить в горло водку.... Что это такое? Страшно вымолвить, но ведь это уже совсем религиозный обряд!» (Меньшиков 1902: 32–33).

В народном сознании той поры питье освящалось и культом предков: «Пили водку наши отцы и деды, пьем и мы; не мы начали, не мы и кончим»

* По мнению современных лингвистов, слова чары и чара имеют разные этимологии.

(АРЭМ [а]). К этому же выводу приходят корреспонденты на местах: «Крестьяне любят полакомиться водочкою. Пьют водку по стародавнему обычаю, а не по причине экономического положения» (АРЭМ [б]).

Это же характерно и для советской эпохи «застойного» времени. В мемуарной литературе описан разговор между Брежневым и Кириленко, тогдашним членом Политбюро ЦК КПСС, в ходе которого Леонид Ильич поинтересовался мнением последнего о проведении пленума ЦК по проблеме пьянства, на чем настаивал А.Н. Косыгин. Ответ Кириленко был: «У нас пили, пьют и будут пить». Так же думал и Брежнев (Млечин 2008: 124). Своеобразная сакрализация питья фиксировалась в то время в тостах, которыми сопровождалась даже неформальные выпивки: «С Богом!», «Будем!», «Поехали!». Это не что иное как сакральные формулы, призванные обеспечить жизненное преуспевание участникам акции (см. подробно: Щепанская 2003).

«Духовность» питья советского человека нашла отражение в поэме В. Ерофеева «Москва-Петушки». Веничка, ее главный герой, «странствуя» из Москвы в пригород (Петушки), всю дорогу в пьяном забытии периодически вступает в разговор с посещающими его Ангелами и Господом: «О, узнаю! Это опять он! Ангелы Господни! Это вы опять? А ты походи, легче будет, а через полчасика магазин откроется: водка там с девяти» (Ерофеев 1989: 8). Веничка-странник — сакральная фигура в русской культуре (Щепанская 2003), к тому же он литератор — автор «нескольких литературных вещей». Словом, он сопоставим с архаическим *лидером праздника*, достигшим с помощью алкоголя экстаза, погружившего его в общение с сакральными сущностями.

Матрица, увязывающая «поэта» (*лидера праздника*) с ОВ в нашей культуре, обнаруживается в обывательской беседе, которую ведет Веничка со своими попучиками, инвариант которой многим, наверняка, приходилось наблюдать. Они, «опираясь на факты», доказывают друг другу, что художественное творчество тесно связано с алкоголем:

«А Куприн, и Максим Горький — так те вообще не просыпались... Последние предсмертные слова Антона Чехова какие были?... “налейте мне шампанского”. И уж тогда только умер”.

“А Фридрих Шиллер — тот не только умереть, тот жить не мог без шампанского... Пропустит один бокал — готов целый акт трагедии. Пропустит пять бокалов — готова целая трагедия в пяти актах”. Гоголь же пил водку из розового бокала...» (Ерофеев 1989: 64).

Чудодейственные целебные свойства алкоголя и «здоровье власти»

ОВ в русской культуре наделяются чудодейственными целебными свойствами. В Древней Руси существовали задравные «чары», рассчитанные на сотню участников. Известна «чара черниговского князя Владимира Давыдовича середины XII века, с пожеланием здоровья всем, пьющим из нее» (Рыбаков 1987: 296). В былине Илья Муромец излечивается, обретя богатырскую силу только после того, как «хватил братину крепкого пива зараз» (Афанасьев 1983: 89).

В начале XX в. в народном сознании фиксируется отношение к водке как к лекарству от всех недугов. Современник вспоминал о знахаре, отставном сол-

дате, пользовавшемся в округе широкой известностью умением лечить сифилис. Основным ингредиентом «лекарственного зелья... была крепкая водка» (Елпатьевский 1984: 29). Не только бывший солдат, но и «военные врачи слабым и больным солдатам в качестве основного лекарства прописывали употребление водки» (Такала 2002: 125–126). В целебные свойства алкоголя верили и служители культа. Один из них утверждал на заседании Комиссии по вопросу об алкоголизме (1898 г.), что умеренное употребление алкоголя «полезно, даже в высшей степени укрепляет» (Сикорский 1901: 400).

Данный ментальный пласт фиксируется в обыденном сознании и сегодня. Мифы о чудесном излечении с помощью алкоголя от смертельных болезней обычно сводятся к следующей схеме: некто заболевает неизлечимой болезнью (чаще всего онкологической), с горя начинает запойно пить, хотя до этого «в рот не брал», в результате через некоторое время болезнь отступает.

Питие за здоровье власти — важная составляющая русской празднично-питейной культуры. Физическое здоровье архаического лидера во многом определяло его легитимность в традиционном обществе. Считалось, что любое его недомогание непременно отрицательно скажется на благополучии социума. Этот ментальный пласт удерживается в общественном сознании современников. В тоталитарных обществах информация о физическом состоянии верховного правителя всегда табуирована, а пропагандистская машина рисует его молодым и физически цветущим (Бочаров 2001: 523).

Забота о здоровье власти нашла отражение в культуре в форме магических заклинаний — тостов: «После царских столов справлялась всегда “государева чаша”, т. е. пили государево здоровье, причем царь сам подавал боярину чашу, к которой они и подходили по порядку родового старшинства...» (Пыляев 1897: 17). Чаша, поднятая «за здоровье», должна была обязательно быть выпита до дна, т. к. это являлось гарантией воплощения магического заклинания. На особенность заздравного питья на Руси обратил внимание иностранец в XVI в.: «Тот, кто начинает, берет чашу, и... велеречиво излагает, за чье здоровье пьет, и чего ему желает. Затем, осушив и опрокинув чашу, он касается ею макушки, чтобы все видели, что он выпил все, и желает здоровья тому, за кого пьют. Кроме того, ему желали..., чтобы его врагов осталось не больше, чем в этой чаше» (Герберштейн 1988: 219).

Отказ же выпить за здоровье власти или же питие «не до дна» расценивалось как преступление. Историк описывает такой эпизод: «Однажды, заранее сговорившись, во время застолья К.Г. Разумовский крикнул на одного из собутыльников “слово и дело” [чиновника Тайной канцелярии — В. Б.] за то, что тот-де оскорбил императора, не выпив за его здоровье бокала до дна. Кончилось тем, что придворные убедили Петра III ликвидировать Тайную канцелярию, о чем им был тут же подписан манифест...» (Мыльников 1991: 66–67).

В сталинский период отказ выпить за здоровье вождя мог стоить человеку жизни. Со слов жены Б.З. Шумяцкого, чиновника, руководившего советским кинематографом, во время застолья у «Хозяина» «за праздничным столом первый тост провозгласили за здоровье вождя. Борис Захарович, не выносивший даже запаха спиртного, только пригубил свою рюмку. Сталин... укоризненно покачал головой, хотя знал о его отношении к алкоголю.

- Ты что же, не хочешь выпить за мое здоровье?
- Ты же знаешь, Коба, что я не пью.
- Всех научили, а тебя никак. Лучше всех хочешь быть!
- Меня этому научить невозможно. Организм не принимает.

Посмотрев с откровенным неодобрением на подчиненного, Сталин после короткой паузы произнес:

- Ничего... и не таких сгибали».

Через неделю Шумяцкий получил приказ об увольнении, а через год был расстрелян по обвинению в предательстве (Бернштейн 2000).

Советский фольклор также увязывал благоденствие населения с физическим здоровьем вождя. Вспомним текст некогда популярной песни «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальем!».

В поздний советский период питье за здоровье руководителя «до дна» — неременный атрибут застолья. Коллега-востоковед, работавший переводчиком в Афганистане в 1980-х гг., рассказывал о приеме представителя МИДа в посольстве СССР, на котором ему довелось присутствовать: «Сначала выпили за здоровье Генерального секретаря, затем всех членов Политбюро, министра иностранных дел, за здоровье самого гостя, но когда перешли к членам ЦК, я уже не мог». И сегодня заздравный тост в адрес высшего начальника — почти обязательный атрибут праздника. При этом, как правило, за столом находится человек, напоминающий о том, что за него положено «пить до дна».

«Богатырское питье»

В рамках русской празднично-питейной культуры вычленяются паттерны питья, обусловленные социальным положением. Лидерство определяется умением много пить, но при этом контролировать свое поведение: «Пьян да умен, два угодя в нем». Именно так ведут себя былинные богатыри. Например, Добрыня Никитич, выпив «на один вздох» поднесенные князем Владимиром «чары зелена вина», а также «пиво пьяное» и «мед сладкий», с честью совершает богатырский подвиг, расправившись со Змеем (Былины 1954: 119). В то же время питье, приведшее к утрате самоконтроля, оценивается культурой негативно. Фольклорный персонаж — Васька, отправленный князем Владимиром для переговоров с Ильей, не выдерживает питейного «экзамена», предложенного ему богатырем. Опьянение понижает статус не только его, но и Владимира. Поэтому Илья отправляет Ваську восвояси, не желая вести с ним переговоры. При этом подчеркивается благородство Ильи, который заботится о том, чтобы посланец Владимира избежал публичного осмеяния, что бросило бы тень на самого князя (Там же: 92).

Статус богатыря сопряжен с питейным экзаменом. Другой персонаж былин, Василий Буслаев, набирая дружину, проверял претендентов таким образом: сначала предлагал им обильную выпивку, а после наносил удары по голове. Только устоявшие на ногах зачислялись в дружину (Там же: 245).

Историки, оценивая правление того или иного царя, не забывали отметить его манеру питья. Н. Костомаров писал о Петре Великом: «Лефорт ввел Петра в иноземное общество в немецкой слободе... Там господствовал самый широкий разгул; пили вино до безобразия, плясали до упаду... Петр пил без меры, но... скоро

протрезвлялся и принимался с большим жаром за работу, в то время как другие после подобного пира долго не могли оправиться». (Костомаров 1992: 543–544).

Самодержцы и сами себя оценивали сквозь призму «кодекса»: «пить много, но не пьянеть». В дневнике Николая II есть запись, показывающая, что тот горд тем, что достойно вел себя во время военной пирушки (количество выпитого скрупулезно подсчитано), что не помешало выполнить служебный долг: «Вчера выпили 125 бутылок Шампанского. Был Дежурным по дивизии. В час выступал с эскадромом.... Проснулся — во рту будто эскадрон ночевал» (цит. по: Радзинский 1996: 28).

Питие «по-советски»

До революции народное сознание ассоциировало образ жизни господствующего класса с праздником, воплощавшим «счастливую жизнь». Источник XVI в. сообщает: «Простой народ, слуги и рабы по большей части работают, говоря, что праздничать и воздерживаться от работы — дело господское» (Герберштейн 1988: 219). Судя по литературным источникам, «праздность» была жизненным идеалом самих господ. Так, у Обломова «жизнь разделялась на две половины: одна состояла из труда и скуки..., другая — из покоя и мирного веселья» (И. А. Гончаров. Обломов).

После Октября 1917 г. пришедшие к власти «низы» стали всячески способствовать тому, чтобы представление о новой жизни как о празднике утвердилось в сознании народных масс. Даже труд был провозглашен праздником, что, в частности, нашло отражение в субботниках — «праздниках труда». Действительно, для субботников характерно неправильное поведение, когда верхи выступали в роли низов. Вспомним знаменитое полотно «Ленин на субботнике», на котором глава государства несет бревно, выступая в качестве чернорабочего. Субботник, будучи «праздничным действием», обычно заканчивался (а зачастую и начинался) употреблением алкоголя.

Празднично-питейная культура с ее ценностями и нормами прочно утвердилась в сфере повседневности: «трудовые будни — праздники для нас». Зарплата в обыденном дискурсе исчислялась количеством бутылок водки, которые на нее можно было купить. По воспоминаниям М. Горбачева, его жена столкнулась с повальным пьянством в вузе, где она в начале карьеры работала преподавателем: «Пили везде. Даже на кафедре в университете: Раиса была доцентом, а ей поручали пойти купить колбасы на закуску!» (Великжанина 2014).

Укоренившаяся в советском сознании идея «труда — праздника» воплотилась и в повести В. Ерофеева. Весь рабочий день коллектива, в котором трудится Веничка, состоит из питья алкоголя, а в задачу бригадира входит составление графиков выпитого каждым рабочим ежедневно. Именно эти расчеты он отправил вышестоящему начальству, перепутав их с графиками социалистических обязательств, после чего вновь был разжалован в рядовые (Ерофеев 1989: 25).

Жизнь советского человека находилась на перекрестье двух противоположных пространств, что проявлялось и в политике властей. Руководствуясь логикой «трудового» измерения, периодически объявлялась «борьба с пьянством и алкоголизмом», однако на самом деле никакой борьбы не было, а к непьющим с подозрением относились не только сотоварищи, но и «начальство».

К питейному поведению коммунистов, тем не менее, предъявлялись довольно серьезные требования, но в рамках культурного «кодекса». В 1920-е гг. в руководстве ВКП(б) шли дискуссии на эту тему, причем поводом, судя по отчетам ОГПУ, послужило пьянство партийных активистов на местах (Такала 2002: 234). Часть большевистской верхушки предлагала вообще считать подобных партийцев предателями, «способными выболтать тайну врагам» (Партийная этика 1989: 165–166). Другая часть придерживалась мнения, что надо наказывать «не умеющих пить» партийцев, строгость же наказания соотносить с занимаемой должностью. К опьяневшему «рабочему или крестьянину применять... меры увещательного характера..., а опьянение... занимающего ответственные посты, считать недопустимым явлением, — снимать с должности, — а при повторении исключать из партии» (Там же 1989: 192–193).

В общественном сознании того времени фиксируется и наличие идеи питейного экзамена, успешная сдача которого связывалась с социальным ростом. Например, известен нарратив, где экзаменатором был сам отец народов: «К вождю был приглашен заместитель Наркома угольной промышленности А. Засядько... Сталин предложил ему выпить водки из фужера. Засядько выпил один фужер, затем второй, потом третий. Но когда ему попытались налить в четвертый раз, закрыл ладонью фужер и сказал: “Засядько норму знает!”. Через некоторое время, когда Засядько решили назначить угольным министром, кто-то напомнил про его пьянство, но Сталин ответил: “Засядько норму знает”, — решение было принято» (Жирнов 2003).

О поведении высших руководителей СССР, которое соответствовало питейному кодексу, пишет В.М. Суходрев — личный переводчик советских вождей, от Хрущева и до Горбачева. В его мемуарах всплывают пласты, укорененные в нашей культуре. Обращает внимание реакция автора на народные представления о том, что «верхи» ведут праздный образ жизни, а, следовательно, отличаются обильным питием. Он пишет: «У нас любят рассказывать всякие небылицы о том, как пьют “наверху”. Спешу огорчить, “там”, то есть на самом верху, пьют немного..., хотя спиртное подается в достаточном количестве» (Суходрев 1999: 432–433). Тем не менее, вожди маркировали свой статус богатырским питием: «Н. Хрущев очень любил хрустальную стопку для водки, с виду довольно объемистую и вместительную. Однако на самом деле водки в нее вмещалось не более столовой ложки, — они прибежали и к другому ухищрению. — Во время застолий Хрущева, а в последние годы и Брежнева обслуживал личный официант-виночерпий. У него на подносе стояла бутылка с наклейкой “Столичная”, наполненная просто чистой водой. Я это знал точно, потому что был знаком с официантами Хрущева и Брежнева» (Там же: 329, 433).

Интересен следующий факт. Суходрев пишет, что в смысле пьянства «почему-то ходят рассказы про Хрущева», однако заключает: «пьяным Хрущева я никогда не видел» (Там же). «Рассказы», вероятно, объясняются непопулярностью Хрущева в народе, которая выразилась в ценностях культуры, опьяневший — «дурак-пьяница». Однако интеллигенция, к которой принадлежал автор, относилась к нему по-другому, а поэтому он подчеркивает высокий статус Хрущева в рамках ценностей той же культуры.

Постсоветское пение

Присутствие питейного «кодекса» фиксируется в обыденном сознании и сегодня. В мужских компаниях распространены досужие воспоминания о проведенном празднике, в которых всегда имеется информация о количестве выпитого (на человека) и о поведении участников застолья. Положительной оценки удостоиваются персоны, которые, несмотря на количество выпитого, сохраняли трезвое поведение («ни в одном глазу»), а также амбивалентное отношение к опьяневшим «до полной бессознательности». Для рядового участника торжества «потеря сознания» не осуждается и даже считается почти обязательным условием достойно проведенного праздника, в то же время опьянение «начальника» подвергается, как правило, довольно злому осмеянию.

Присутствует и мотив *богатырского* пения *до дна* (*единым духом*). А. Коржаков вспоминает о застолье высокой московской делегации, посетившей Чечню во время «первой войны». С его слов, С. Грачев (в то время министр обороны РФ) публично высмеял Б. Немцова за то, что тот после произнесения тостов не пил *до дна*, а только пригубливал. После этого Немцов хотя и исправился, однако воспринял реплику Грачева в качестве недружественного жеста, что впоследствии сказывалось на их взаимоотношениях (Коржаков 1997: 114).

В. Костиков, наблюдая Б. Ельцина в течение длительного времени в качестве его пресс-секретаря, пришел к заключению, что пьянство президента было мотивировано стремлением соответствовать стереотипу лидера: «От необходимости выпивать “за компанию” он явно страдает. Но должность обязывает». Но тут же автор акцентирует внимание на богатырском пении: «Я ни разу не видел его в состоянии явного опьянения» (Костиков 1992: 250).

Нарушение питейного кодекса также служит основанием для принятия кадровых решений. Именно этим А. Коржаков объясняет закат карьеры Г. Бурбулиса: «В момент колебаний шефа [Ельцина — В. Б.] — идти на выборы в паре с Бурбулисом или нет — Гена сам испортил себе карьеру... Однажды выпил лишнего, и в присутствии женщин — Наины Иосифовны и Тани Дьяченко — во время тоста начал материться» (Коржаков 1997: 56).

Кроме того, Ельцин традиционно относился к членам окружения, которые в пении «не знали нормы». Коржаков вспоминает, как во время путешествия президента по одной из сибирских рек В. Костиков в состоянии сильного опьянения «настойчиво приставал к “шефу” с какими-то проблемами. Тот поначалу отмахивался, а затем приказал охране сбросить его за борт теплохода для протрезвления, несмотря на то, что вода в реке была достаточно холодная» (Коржаков 1997: 336–340).

Пение как ценность молодежной субкультуры

Одной из причин того, почему празднично-питейная культура с ее императивами поведения играет у нас столь важную роль, является, на мой взгляд, доминирование в российском социуме молодежных ценностей, разделяемых большинством его членов независимо от биологического возраста (Бочаров 2006: 360–376). В молодежной субкультуре главными ценностями провозглашаются удаль, отвага, пренебрежение к опасности. Ее важным компонентом является пьяный лихой разгул, красочно воспетый как в былинах «по усам тек-

ло, а в рот не попадало», так и в литературе. Ценность алкоголя выше денег, их накопительства: «Последняя копейка (рубль) ребром». Богатырь Василий Игнатьевич, как и положено доброму молодцу, отвергает вознаграждение, предлагаемое князем, а соглашается совершить подвиг исключительно за дармовую выпивку: «Ты дозволь-кося мне чего мне надобно; Я куды-де пойду, да куды поеду — Мне бы пити-де вино везде безденежно» (Былины 1954: 192–195).

Черты былинного богатыря наследовал герой эпохи застоя, собирательный образ которого сформировали в том числе песни популярных бардов. Это скромный, нестяжательный человек, который совершает подвиги разве что за выпивку. Он, наделенный чертами скомороха/юродивого, противопоставляется представителям трезвого / мещанского мира. Таков эпический герой В. Высоцкого — «бывший лучший, но опальный стрелок», который, избавив царство от чуды-юды, отказался от положенных ему традиционных наград, а попросил у царя «лишь выкатить портвейна бадью». И другие персонажи поэта, также пившие «хоть поутру, но за свои», были чрезвычайно популярны у советских людей. Деньги же, как считалось, имели ценность только для мещан, настоящие же молодцы тратили излишки исключительно на пропой, как и рекомендовала советская песня: «выпьем и снова нальем!».

В русском фольклоре отчетливо прослеживаются ассоциации, связывающие алкоголь с молодостью, с присущей ей агрессивностью. Например, шумные небесные грозы сравниваются с поведением в состоянии опьянения, которому придается сакральный смысл: «Как человек, упившийся вином или медом, делается склонным к ссорам, брани и дракам, так боги и демоны... отличаются буйством и стремительностью на битвы. — Причем, зачастую, витальные сцены не только уподобляются грозе, но и приготовлению пива и пиршеству, на котором, — сражающиеся ратники допьяна напиваются враждебной кровью» (Афанасьев 1983: 103). Да и само военное сражение (битва) определяется как «пир» или «кровавый пир».

А. Афанасьев также обратил внимание на «любопытные свидетельства языка», указывающие на существование в культуре представлений о связи между природными стихиями, алкоголем и молодежной агрессивностью: «замолодило — становится или стало облачно, а действительная форма замолаживать, замолодить — делать так, чтобы напиток заиграл, запенился (“замолодить пиво”）」 (Там же: 203).

Армейская жизнь в дореволюционной России также тесно ассоциировалась с питием. Например, «на парадах выдавалась казенная чарка в торжественной обстановке, выпивалась натошак, залпом, без закуски...» (Такала 2002: 126). И если для солдата праздничная чарка была не обязательна, то офицеры непременно должны были питием поздравлять солдат, а тем, «которые не в состоянии поздравить свою роту с праздником, выпив Высочайше жалованную на такие случаи чарку водки, и служить не следует, раз они не могут нести всех возложенных на них обязанностей» (Путилов 1900: 425).

И в деревне к пьянству «бездетных [неженатые и бездетные традиционной культурой всегда относились к молодежи — В. Б.] народ относится снисходительно... Если пьет семейный, то заслуживает обыкновенно общее порицание; вот этого драть-то некому — все пьет, а у жены с ребяташками, небось, щипчем посолить» (АРЭМ [В]).

В молодежной субкультуре питье обретает соревновательный характер. В. Костиков рассказал о случае международных состязаний, когда честь страны пришлось защищать президенту Б. Ельцину во время встречи с тогдашним президентом Польши Л. Валенсой: «Особенно неприятно было то, что во время приема в загородной резиденции Валенса откровенно пытался спойть Бориса Николаевича. Официант, стоявший за спиной Ельцина, по знаку Валенсы все время подливал Борису Николаевичу водки “до краев”. При этом произносились всякого рода лихие, насквозь фальшивые тосты, за которые как бы положено пить до дна... Мне так и хотелось подсказать: да закусывай же, закусывай, Борис Николаевич. Но беда в том, что Ельцин относится к тому типу людей, которые мало едят даже при серьезной выпивке. Расчетливый же Валенса отнюдь не забывал про свою тарелку. Конечно, это не тот случай, когда с гордостью хочется сказать — “наша взяла”. Но, тем не менее, Б.Н. оказался покрепче польского президента» (Костиков 1992: 133). Несомненно, упомянутые персонажи осознавали *соревновательный* характер действия. Наш президент пил без закуски, как и положено, *добру молодцу*. Примечательна и реакция самого Костикова, выступавшего в качестве судьи (хотя и небеспристрастного), который констатировал *победу* Ельцина.

Сегодня военно-молодежные ценности продолжают определять поведение членов социума, включая верховного лидера. Правда, питье как символ молодежной субкультуры уступило место спорту, произошедшему из первобытной войны (набегов) — механизма канализации молодежной агрессивности (см. подробнее: Бочаров 2001: 510–512).

Итак, *праздник* играл важную роль в становлении социальности, противостоя дезинтеграционным тенденциям, сопровождавшим *труд*, который породил социальный индивидуализм с его рациональностью и прагматизмом, что разъедало коллективное человеческое тело. Праздник опирается на иррациональные пласты человеческой психики, на позитивные эмоции и чувства единения «радости и веселья». Он тесно связан с ОВ, погружавшими празднующих в экстаз, видимо, пробуждая в архаическом сознании образы, идеологемы, из которых создавалась эмоционально-интеллектуальная ткань человеческой культуры. Возник и особый тип власти (*лидеры праздника*), легитимность которой определялась ее способностью к экстатическому поведению, эмоциональному заражению публики.

Реализация празднично-питьевого архетипа в русской культуре демонстрирует его устойчивость в ходе исторической динамики социума. На наш взгляд, это объясняется двумя причинами. Во-первых, доминированием в данной культуре молодежных ценностей, которые повсеместно связаны с питьем. Даже в индуизме, где иерархия каст построена на принципе «ритуальной чистоты», запрещающем употребление алкоголя, кшатриям (каста воинов) это дозволено, несмотря на то, что они стоят выше каст, «соблюдающих высочайшие стандарты ритуальной чистоты». Это является загадкой для индологов (Успенская 2010: 329). Во-вторых, консервативностью *культуры* относительно *общества*, в результате чего лидеры рационально-бюрократических структур продолжают символизировать свой статус средствами традиционной празднично-питьевой культуры.

Литература и источники

- Абрамян Л. *Первобытный праздник*. Ереван: АН, 1983.
- Аксаков К.С. Повесть о бражнике // Аксаков К.С., Аксаков И.С. *Литературная критика*. М.: Современник, 1981.
- Андреев И.Л. *Происхождение человека и общества*. М.: Мысль, 1982.
- Афанасьев А.Н. *Древо жизни. Избранные статьи*. М.: Современник, 1983.
- АРЭМ (а). Д. № 151.
- АРЭМ (б). Д. № 1490.
- АРЭМ (в). Д. № 715.
- Байбурин А.К. *Ритуал в традиционной культуре*. Л.: Наука, 1991.
- Бернштам Т.А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX—начало XX в.) // *Этнические стереотипы поведения* / Под ред. А. К. Бабурина. Л., 1985: 120—147.
- Бернштейн А. Он хотел создать советский Голливуд // *Film.ru*, 03.10.2000 [http://www.film.ru/article.asp?id=1411]. Дата обращения 02.02.2016.
- Богораз В.Г. *Чукчи*. Л., 1939.
- Бочаров В.В. *Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа за политических культур современных государств Тропической Африки*. М.: Наука, 1992.
- Бочаров В.В. Антропология насилия // *Антропология насилия*. Под ред. Бочарова В.В.; Тишкова В.А., СПб.: Наука, 2001.
- Бочаров В.В. Россия: молодость против старости? Антропологический аспект // *Антропология власти. Власть в антропологическом дискурсе*. СПб.: СПбГУ, 2006.
- Бочаров В.В. Общество и культура в эволюционном процессе // *Антропологический форум*, 2011, 14: 272—283.
- Брайант А. *Зулусский народ до прихода европейцев*. М.: Издательство иностранной литературы, 1953.
- Былины*. Л.: Советский писатель, 1954.
- Быт великорусских крестьян-землепашцев*. СПб.: Издательство Европейского дома, 1993.
- Великжанина А. Откровенное признание Михаила Горбачева: Мы с Раисой потеряли сына // *Комсомольская правда*, 2014, 17 сентября.
- Герберштейн С. *Записки о Московии*. М.: МГУ, 1988.
- Елпатьевский С.Я. *Воспоминания за пятьдесят лет*. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1984.
- Ерофеев В. *Москва — Петушки*. Повесть. М.: Книжная палата, 1989.
- Жигульский К. *Праздник и культура*. М.: Прогресс, 1985.
- Жирнов Е. Будучи пьяным, требовал баб для разврата // *Коммерсант. Власть*, 2003, 13, 7—13 апреля.
- История первобытного общества. Эпоха классового образования*. М.: Наука, 1988.
- Коржаков А. *Борис Ельцин от рассвета до заката*. М.: Интербук, 1997.
- Костиков В. *Роман с президентом*. М.: Вагриус, 1992.
- Костомаров Н.И. *Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей*. М.: Книга и бизнес, 1992.
- Крашенинников С.П. *Описание земли Камчатки*. М-Л.: АН СССР, 1949.
- Меньшиков М. Поклонение алкоголю // *Вестник трезвости*, 1902, 88.
- Млечин Л.М. *Жизнь замечательных людей. Брежнев*. М.: Молодая гвардия, 2008.
- Мыльников А.С. *Искушение чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы*. Л.: Наука, 1991.

- О роскошном житии и веселии. Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси).* М.: Худож. Лит, 1969.
- Партийная этика. Дискуссии 20-х гг.* М.: Политическая литература, 1989.
- Пасто Т.А. Заметки о пространственном опыте в искусстве // *Семиотика и искусствоведение*. М., 1972.
- Попов А. Пир и братчины // *Архив историко-юридических сведений, относящихся до России*, изд. Н. Калачовым, М., 1854. Кн. 2. 2-ая пол. Отд. VI: 19–41.
- Прыжов И.Г. *История кабаков в России*. М.: Дружба народов, 1992.
- Путилов П.В. О спиртном отравлении армии. Бытовые причины этого // *Труды Комиссии по вопросу об алкоголизме (ТКА)*. СПб., 1900. Вып. V–VI. Отд. II.
- Пыляев М.И. *Старое житие*. СПб., 1897.
- Радзинский Э. *Господи... спаси и умири Россию. Николай II: жизнь и смерть*. М.: Вагриус, 1996.
- Рыбаков Б.А. *Язычество Древней Руси*. М.: Наука, 1987.
- Сикорский И.А. О некоторых неотложных мерах в борьбе с алкоголизмом // *Труды Комиссии по вопросу об алкоголизме (ТКА)*. СПб.: 1901. Вып. VI. Отд. I.
- Снегирев И. *Русские простонародные праздники и суеверные обряды*. Вып. 1. М.: 1837.
- Сорокин П. *Человек, цивилизация, общество*. М.: Политиздат, 1992.
- Суходрев В.М. *Язык мой — друг мой. От Хрущева до Горбачева*. М.: Олимп, 1999.
- Такала И.Р. *Веселие Руси*. СПб.: Нева, 2002.
- Топоров В.Н. Опьяняющий напиток // *Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х тт. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1980*.
- Успенская Е.Н. *Антропология индийской касты*. СПб.: Наука, 2010.
- Щепанская Т.Б. *Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв.* М.: Индрик, 2003.
- Элиаде М. *Шаманизм: архаические техники экстаза*. Киев: София, 2000.